

XXVI Харчевские чтения

© 2024 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ (круглый стол)

Участники: АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна – доктор социологических наук, зам. директора Института сравнительных социальных исследований, Москва, Россия (anna.andreenkova@cessi.ru); БУЛanova Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (marina_bulanova@inbox.ru); ДАНИЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (endanilova@gmail.com); ДЕВЯТКО Инна Феликсовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой НИУ «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (deviatko@gmail.com); ЗАРУБИНА Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия (p.zarubina@inno.mgimo.ru); ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (dvi2001@rambler.ru); ЛАДЫЖЕЦ Наталья Сергеевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия (Ins07@mail.ru); РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (romanival@yandex.ru); СОКОЛОВ Михаил Михайлович – кандидат социологических наук, профессор практики Университета Висконсин-Мэдисон, США (msokolov@wisc.edu); ТАТАРОВА Галина Галеевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (tatarova-gg@rambler.ru); ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь (larissa@bsu.by); ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (socis@isras.ru); ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yahoo.com); ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (chernysh@fnisc.ru).

Аннотация. В рамках конференции «Социология: вчера, сегодня, завтра», посвященной 50-летию журнала «Социологические исследования», 23 октября 2024 г. состоялись XXVI Харчевские чтения, целью которых стало обсуждение меняющегося ландшафта современной теоретической социологии и факторов этих перемен, в том числе влияния цифровизации. Тематика складывалась вокруг особенностей построения социологических теорий в современных условиях, но с отсылкой к истории теоретического знания, ревизии, в частности пересмотру работ отечественных социологов-теоретиков, вопросам импортирования и адаптации западных концепций. Особое внимание уделялось категоризации и понятийному аппарату социологии. Представляем вниманию читателей основные положения докладов участников Чтений на состоявшейся конференции¹.

¹ С докладами также выступили: В.И. Дудина «Социология встречается с эпидемиологией: исследования “социального заражения” в поисках теоретической основы» (см. статью в 10, 2024), Р.Н. Абрамов «Роль воображения в производстве социологического теоретизирования».

Ключевые слова: социологические теории • российская теоретическая социология • категоризация • понятийный аппарат социологии • концептуализация • метафора • цифровизация • когнитивная наука • история социологии • теоретизирование

DOI: 10.31857/S0132162524110016

Тощенко Ж.Т. Понятие «теоретическая социология» включает в себе несколько смыслов. Во-первых, это прорывные концепции, касающиеся принципиальных основ развития всего общества. Если говорить об этом применительно к русской (российской) социологии, то можно выделить историко-сравнительный метод М.М. Ковалевского, тектологию А.А. Богданова, теории экономических циклов Н.Д. Кондратьева и социально-культурной динамики П.А. Сорокина. Есть и другие концепции наших предшественников, которые собраны и проанализированы в трудах А.О. Бороноева, Е.И. Кукушкиной, В.В. Сапова.

Оценивая современный отечественный опыт, крупными теоретическими концепциями можно назвать антропосоциокультурный метод и модернизационную модель Н.И. Лапина, цивилизационный подход С.А. Кравченко и В.В. Козловского, клеточную глобализацию Н.Е. Покровского, социальную мобильность в ее различных вариантах М.Ф. Черныша, историческую социологию Н.В. Романовского, новаторскую интерпретацию теории институциональных матриц С.Г. Кирдиной-Чендлер. С нестандартными суждениями выступают Д.Г. Подвойский и Д.В. Иванов.

Во-вторых, к теоретической социологии нужно отнести и обобщающие концепции, касающиеся отдельных сфер общественной жизни и нашедшие воплощение в разработке теоретических представлений о развитии экономики (В.Н. Бобков, В.В. Радаев, С.Ю. Барсукова), социальной сферы (поиски интерпретации новой социальной структуры общества большой группой социологов (М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, З.Т. Голенкова, Л.А. Беляева и др.), политики (В.К. Левашов, И.В. Образцов, Р.Х. Симонян, В.В. Федоров и др.), духовной жизни (Ю.Г. Волков, С.Н. Комиссаров)) и других сфер общественной жизни.

В-третьих, теоретико-методологическое осмысление специальных социологических концепций по социологии труда (А.Л. Темницкий), села (П.П. Великий, Г.С. Широкалова, В.Г. Виноградский), молодежи (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Е.Л. Омельченко), семьи (Т.А. Гурко, З.М. Саралиева, А.Б. Синельников), права (В.В. Лапаева), образования и науки (Г.Е. Зборовский, Г.А. Ключарев, Д.Л. Константиновский), этносоциологии (Л.М. Дробижева, Ю.В. Арутюнян), демографии (С.В. Рязанцев, В.И. Мукомель и др.) и т.д.

В-четвертых, попытки подняться на теоретический уровень в осмыслении отдельных явлений и процессов – прекариат, профориентация, избирательные компании, сектантство и др.

В-пятых, имеются заслуживающие внимание поиски и обобщения в социологии управления, осуществленные А.В. Тихоновым, В.В. Щербиной, Ю.Д. Красовским.

Наконец, постоянное стремление уточнять и предлагать новые методологические и методические приемы для осуществления социологических проектов: типологический анализ Г.Г. Татаровой, выводы и предложения И.Ф. Девятко, А.А. Андреенковой, А.Ю. Мягкова, Ю.Н. Толстовой, А.В. Мальцевой.

Почти все названные теории опираются на представительные эмпирические данные, полученные в результате всероссийских крупномасштабных исследований, что позволило получить ранее неизвестные обобщения и выводы, вплоть до появления новых понятий.

Вместе с тем анализ нынешнего состояния теоретических поисков и полученных результатов позволяет выявить серьезные изъяны: (1) отрыв теоретического обобщения от эмпирической базы, что по стилю изложения приближает к трудам по социальной философии; (2) продолжающееся копирование концепций зарубежных исследователей и попытка ограничиться приспособлением своих данных к полученной за рубежом информации; (3) слабая связь с идеями предшественников, с прошлым развития общества и его отдельных сторон, особенно если это касается истории; (4) нуждается

в совершенствовании использование междисциплинарного подхода, обычно только провозглашаемого. Важнейшей обязанностью теоретической социологии становится преодоление описательности (когда анализ данных уподобляется библиографическому отчету или описанию проведенных исследований) и мелкотемья, что иногда порождается практическими потребностями маркетинга и пиара, решения прикладных задач, имеющих временный практический смысл.

На наш взгляд, происходящие процессы в мире, в которые включены все страны, знаменуют тот факт, что человечество вступает в качественно иной исторический процесс, который потребует усилий в научном поиске, в том числе и исторических решений при осмыслиении новых формирующихся реалий международного и внутреннего порядка.

Черныш М.Ф. Хотелось бы обратить внимание на проблему категоризации при теоретизировании в современной социологии. Традиционно начальной точкой социологического исследования является определение его предмета. Именование предмета – не своевольный акт исследователя, а сложный процесс, в котором учитывается сформированный интерес и имеющийся в науке задел. Именование предмета служит нескольким взаимосвязанным целям: 1) связь исследования с накопленным в науке знанием по теме; 2) установление границ изучаемого и его отличий от других возможных тем, сфокусированных на схожей проблематике; 3) возможность раскрыть тематику исследования в содержательном плане, соотнести понятийный аппарат с существующим положением вещей.

В логике исследования категоризация становится необходимым предварительным этапом определения субъекта исследования и его возможных предикатов. Особенность социологических исследований заключается в том, что предикаты даны не сами по себе – не только и не столько как математические операнды, сколько как способ помещения субъекта в поле взаимоотношений с другими субъектами, которые в сумме образуют структуру, имеющую ограниченное число интерпретаций. При этом предикаты должны соответствовать принципу полноты описания. Здесь уместно вспомнить критику «операционализма» П. Сорокиным, который охарактеризовал его как «тестоманию», редуцирующую сложные теоретические конструкции к ограниченному набору показателей. Сорокин считал, что сведение любого социологического сюжета к примитивному набору показателей есть нечто иное как попытка отменить логико-дедуктивный уровень теоретизирования. Если принять «операционализм» в его худшем проявлении, ненужными станут понятия, которые служили важными инструментами отображения социальной реальности. На логико-дедуктивном уровне теоретизирования многие категории задавались в метафорической форме. К примеру, «невидимая рука рынка» или «общественный договор» не имели за собой точного описания и не могли быть однозначно воспроизведены в системе предикатов. Однако нет сомнений в том, что они положили начало самостоятельным направлениям общественной мысли, сформировали программу общественных наук на перспективу.

Обсуждая категоризацию, невозможно обойти вниманием и такую особенность используемых в социологии понятий, как их неизбежная амбивалентность и даже множественность. Большинство понятий, которые используются в современной общественной науке, не имеют однозначного, обязательного для всех исследователей определения. Понятие «класс», к примеру, имеет множество дефиниций и, соответственно, совершенно по-разному представлено в исследованиях. Отсюда колossalные расхождения между исследователями в понимании того, что такое «средний класс» и какое место он занимает в современных обществах. Было бы неверно трактовать эту черту социологических категорий как слабость или уязвимость общественной науки. Лабильность социологических понятий позволяет, в том числе, наблюдать изменения в обществе через изменчивость социологических категорий.

В российской социальной науке стало общей практикой использовать заимствованные из оборота западной науки категории. В понятийных «трансферах» нет ничего необычного, они всегда имели место и служили их развитию в общественных науках. Однако это не отменяет необходимости точного описания российских реалий через

адекватную систему категорий, обеспечивающих соответствие социологической теории существующему положению вещей.

Шмерлина И.А. Позвольте откликнуться репликой на доклад М.Ф. Черныша. Импонирует акцент на категоризации – назывании, концептуальном конструировании, понятийном ограничении используемых в социологии терминов. «Страсть» социологов и вообще ученых к называнию хорошо известна (она иронично обыграна в известной повести Стругацких «Пикник на обочине», главный герой которой сталкер Шухарт язвительно, но весьма проницательно замечает, что для ученых главное – придумать название, от этого им сразу становится все понятно и легче жить...). Иногда сама социологическая концепция сводится к удачно выбранному слову, названию, даже к яркой метафоре. Но название, категоризация, понятийное осмысление предмета исследования – это и есть самое главное: по сути, это «создание» (в действительности – эксплицирование) онтологического объекта. Данную процедуру иногда называют «реификацией», понимая последнюю конструктивистски. Но, на мой взгляд, реификация и само понятийное конструирование социальной реальности не есть ни логическая ошибка мышления (гипостазирование), ни просто упорядочивание действительности. Это – важнейший этап теоретизирования как научного освоения мира. Даже если, оставаясь в русле феноменологической традиции в версии А. Шюца, мы не претендуем ни на что большее, нежели создание социальных конструктов, и даже если эти социальные конструкты не выходят за эпистемические рамки метафор... Но и за метафорами просвечивает реальность внешнего мира.

Титаренко Л.Г. Десятилетия ученые разных стран обсуждают теоретический кризис в социологии. Главный аргумент в поддержку тезиса – отсутствие новых макроподходов и общесоциологических теорий (ОСТ), которые бы объясняли многообразие трансформаций и предлагали пути, по которым общество сможет развиваться дальше. Действительно, наиболее значимые теоретические концептуализации относятся к концу ХХ в. Но общество радикально изменилось и нуждается в новых теориях.

Пока нынешние теоретики не выдвинули новой всеохватывающей ОСТ, хотя такие попытки предпринимались. Зато было предложено много теоретических поворотов, описывающих отдельные значимые черты развития общества. Но повороты – лишь «кирпичики» в здание будущей теории, которого пока нет, несмотря на то, что исторические эпохи, имеющие переходный характер, обычно порождают новые теории как ответ на глобальные вызовы. Попытку создать теорию «перехода общества в неизвестность», на мой взгляд, предпринял Н. Генов: системный анализ новых глобальных трендов, на основе которых конструируется его теория гомогенизации культуры, индивидуализации, распространения инструментального активизма и новая рациональность организаций. По мнению автора, концептуализация динамической конфигурации взаимодействия глобальных трендов – ключ к диагнозу новой глобальной ситуации, к ее теоретической концептуализации по примеру классиков ХХ в.

Последние президенты МСА (С. Ханафи, Дж. Плеерс) продвигают идею «глобального диалога». Но это метод интегрировать в глобальную коммуникацию социологов постколониальных стран и регионов мира. Подобный диалог не ведет к получению нового знания, а лишь предлагает его переформатировать, что в условиях разделенного профессионального сообщества проблематично, поскольку не гарантированы равноправные статусы участников диалога.

В отечественной социологии принято нынешнюю турбулентную эпоху называть «новой социальной реальностью». Однако данный термин не дает ключа к ее осмысливанию на уровне ОСТ. Возможно, российским социологам в условиях дефицита ОСТ целесообразно сфокусироваться на конструировании специальных социологических теорий (ССТ) высокого уровня, которые бы предлагали теоретический фундамент для качественного анализа и причинного объяснения нового эмпирического материала. Подобные ССТ могут стать шагом на пути к созданию ОСТ, хотя бы в формате осмысливания одного важного

аспекта социума (социального порядка или социального становления, по аналогии с теорией П. Штомпки).

Теоретические концептуализации в рамках глобальной социологии подспудно продолжаются. Российские социологи участвуют в этом процессе. Однако имидж будущей теоретической социологии сохраняет неопределенность. Вряд ли западная социология сможет выдвинуть в ближайшие годы новые фундированные ОСТ; скорее, возможны углубления и уточнения существующих теорий (от постмодерна и трансгуманизма до информационного общества). Эта ситуация создает условия отечественным социологам для теоретического прорыва.

Данилова Е.Н. Говоря об отношениях мировой и национальной социологии, подчеркну, что разделенной социологии не бывает. Важно рассмотреть, как складывались отношения, в частности западной и российской, и обозначить вопросы, требующие внимания, прежде всего об универсальности социальных теорий и саморефлексии российской социологии.

Одни теории представляют объяснительные модели общественных явлений в рамках выбранных теоретических пререквизитов. Другие – более общие социальные теории – выступают как некие модели общества, идеальные образы которых уходят корнями в социально-философское наследие или идеологически нагружены. И если угодно, создают образ будущего. Волей-неволей такие теории задают язык описания и оценочный вектор сравнения в эмпирических исследованиях, выступают распознавателями изменений и часто приобретают роль легитиматоров изменений. Интерес к последним исходит из вызовов современного контекста, но наблюдаются и «диалектические качели» между теориями, поддерживающими статус-кво в обществе и теориями, распознающими социальные противоречия.

В послевоенное время наблюдались разные фазы интереса, если не сказать противофазы, к таким теориям на Западе и России. К примеру, в позднем СССР наряду с истматом господствовали методы функционалистской социологии, которые служили статус-кво и идею управления обществом. Критика западной социологии способствовала ознакомлению с нею. Марксизм догматизировался и не порождал теоретических споров, как на Западе; развития марксизма в стране социализма не случилось. К тому времени как в США и Западной Европе популярность функционализма упала.

В истории российской социологии был разрыв. Развитие социологии как рационализированного знания, основанного на западных учениях и теориях, во второй половине XX в. наславившись на свою предысторию интеллектуальной жизни: спор западников и славянофилов, вытеснение дореволюционной российской философской мысли истматом. В постсоветский период освоение современных западных теорий, вхождение российской в мировую социологию осуществлялось в догоняющей логике и т.д.

Новый виток отношений мировой и национальных социологий связан с постколониальным дискурсом, который высвечивает противоречия отношений в постколониальном мире. Он стал важным нарративом на Западе, но также затронул процессы теоретизирования и в других частях мира, иногда обозначающиеся в языке западной социологии термином индигенизации, использования западных теорий в локальном контексте. Однако есть и переопределение, и уход от этого конструкта в рамках национальных социологий.

По поводу самоопределения российской социологии есть разные мнения. Сейчас этот вопрос часто сопровождается рассуждениями о девестернизации, что таит опасность тоже попасть в идеологическую ловушку. Однако, повторю, в современном мире нет разделенных социологий. Важна интеграция, основанная на универсальных, а не оценочных (в отношении Другого) принципах. Это – прежде всего диалогичность с разными социологиями и полемика. Важно иметь в виду и аутентичность – контекст, в котором рождаются теории и их язык. Концептуализация новых вызовов создает новое пространство и новый язык. Но одинаково ли развиваются страны? Насколько аутентичны понятия и теории, созданные в другом контексте? Полемика и принцип историзма помогают соотнести

и понять контекст создания и использования теорий. Для саморефлексии также полезно внимательное изучение и полемика с идеями наследия дореволюционной, советской и российской социальной мысли, часто недоисследованных.

Девяtko И.Ф. С определенной долей упрощения можно выделить две традиции понимания перспектив интеграции социологического знания в междисциплинарную область когнитивных исследований, которые различаются по истокам и по отношению к когнитивной науке. Первая связана с использованием термина «когнитивная социология» как результата брендингования. В период бурного развития когнитивной психологии в 1970-е гг. право на соответствующий «товарный знак» было зафиксировано книгой А.В. Сикурела (Cicourel A.V. «Cognitive sociology: Language and meaning in social interaction», 1973): этот термин значился на обложке, но по сути не обсуждался в тексте. Речь в книге шла об языковых классификациях (значениях), их роли и интерактивном/диалогическом конструировании социальных категорий и объектов. К когнитивной революции в психологии, которая привела позднее к возникновению междисциплинарного проекта когнитивной науки, эта книга прямого отношения не имела. Сформировавшаяся вокруг использования этого термина традиция (именуемая некоторыми авторами «культурной традицией») наследует, в большей или меньшей мере, 1) неокантианству, 2) марксистской социологии знания, 3) социальной феноменологии, а в последние годы также направлению 4) культуры и познание (*Culture and Cognition*) в психологии культуры (в последнем присутствует большое влияние культурно-исторической психологии Л.С. Выготского).

На пересечении с проектом культурсоциологии эта традиция породила новое осмысление того, что раньше называлось сравнительным семиотическим анализом (лучшие образцы – семиотика Тартуской школы и семиологический анализ культуры). Однако она ни в коей мере не опиралась до недавнего времени (и лишь в минимальной степени опирается сейчас) на научное понимание механизмов познания, лежащих в основании исторической и межгрупповой вариативности человеческих убеждений, суждения и значений. В недавней статье² тоже выделяются два направления, однако существующих лишь в узких рамках американской культурсоциологии, которые различаются между собой отношением к теориям и методам когнитивной науки. Одно из них, по мнению авторов упомянутой статьи, избрало в качестве предпочтительной стартовой точки влиятельную работу Э. Зерубавеля, второе, именуемое междисциплинарным, возводится к статье П. ДиМаджио³. Важное наблюдение авторов обсуждаемой статьи заключается в том, что первое из направлений принципиально не интересуется моделями и методами междисциплинарной когнитивной науки, рассматривая когнитивные процессы как «черный ящик», в описание работы которого его приверженцы хотят добавить «межкультурной вариативности». Важной предпосылкой этой позиции является фундаментально неверное утверждение, что когнитивная наука изучает якобы лишь «универсальные механизмы познания» и нуждается в помощи когнитивных культурсоциологов в преодолении этого надуманного ограничения когнитивной науки. Речь в последнем случае идет об обширном исследовательском фронте, среди отцов-основателей которого были и Ф. Бартлетт, первым продемонстрировавший в 1930-е гг. роль опосредованных культурой схем памяти в припомнении инокультурных нарративов, и Дж. Брунер, показавший в конце 1940-х гг. роль связанных с социальной стратификацией признаков в восприятии размера потенциально ценных стимулов. Второе направление в рамках культурсоциологии описывается Кайдесой и соавторами как рассматривающее познавательные процессы в качестве «серого ящика», и демонстрирующее некоторый интерес к методам и результатам когнитивной науки. Представляется, что в этом случае корректнее говорить о направлении

² Kaidesoja T., Hyvryläinen M., Puustinen R. Two traditions of cognitive sociology: An analysis and assessment of their cognitive and methodological assumptions // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2022. No.52(3). P. 528–547.

³ См.: Zerubavel E. Social mindscapes: An invitation to cognitive sociology. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1997; DiMaggio P. Culture and cognition // Annual Review of Sociology. 1997. No. 23. P. 263–287.

внутри культурсоциологии, характеризуемом «медленным сдвигом» в сторону конвергенции с междисциплинарной когнитивной социальной наукой, описанной ниже в качестве действительно альтернативной традиции.

Иная традиция (подлинная «традиция-2»), во многих отношениях более ранняя – это когнитивная социальная наука (и нейронаука), для которой характерны попытки интеграции методов, моделей и концептов когнитивной науки в язык социологической теории. Это стремление мотивируется ясным пониманием того, что социологическая теория использует ментальные, когнитивные термины – прежде всего, в своих ключевых областях: в теориях действия, в социологии морали и, шире, в анализе нормативных оснований институциализированной социальной жизни, в социологии обыденного знания, и, таким образом, нуждается в методах и теоретических моделях когнитивной науки.

Современное развитие этой традиции может быть прослежено в работах социальных исследователей, разрабатывающих параллельные проекты социологии как когнитивной нейронауки (С. Тернер и др.), экспериментальной философии (Дж. Ноуб и др.), «народной социологии» и когнитивной социологии морали (См.: *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*, 2015; *Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям*, 2017 и др.). Одной из иллюстраций возможностей междисциплинарной когнитивной социальной науки может служить, в частности, растущее использование когнитивистских моделей «двойного процесса» в современной социологии морального суждения.

Краткое сопоставление истоков и этапов развития описанных двух традиций позволяет оценить их перспективы с точки зрения возможного вклада в приращение социологического знания. Достижения и возможности второй традиции представляются более существенными.

Шмерлина И.А. Хотелось бы акцентировать внимание на дискуссионном вопросе уместности онтологической проблематики в социологическом дискурсе. Возражая против мнения о том, что отвлеченные философские вопросы далеки от познавательных интересов социологов, сфокусированных на острых социальных проблемах и стремящихся быть ближе «к земле», предлагаю три аргумента «за». Во-первых, без осмысленных онтологических оснований, социологическое знание становится маломощным. Во-вторых, любое социальное исследование всегда исходит из определенных онтологических предпосылок, которые в явном, или, что чаще, в неявном виде направляют авторскую мысль. В-третьих, обращаю ваше внимание на современный «онтологический поворот» в социологии, наиболее ярким проявлением которого является «плоская онтология». И хотя последняя, по сути, отрицает онтологию, показательно само обращение социологов к словарю отвлеченных философских категорий.

В «поисках социальной онтологии» плодотворно обратиться к теоретическим ресурсам отечественной социальной мысли, позволяющей ответить на два принципиальных онтологических вопроса: (1) из чего «состоит» социальная реальность; (2) на каком уровне она существует. В вопросе об онтологическом «что» перспективный, по моему мнению, подход содержит концепция «проводников» П. Сорокина выдвинутая им в работе «Система социологии» (1920) и предвосхищающая идею медиа коммуникации Н. Лумана. Предложенная мной семиотическая концепция социального хорошо корреспондирует с названным комплексом идей⁴.

В поисках ответа на вопрос, на каком уровне существует социальная реальность, «плоской онтологии» можно противопоставить социально-философскую концепцию С.Л. Франка, в которой постулируется двухслойная природа общественного бытия и «несоответствие между эмпирической реальностью <общественного бытия> и его

⁴ Шмерлина И.А. Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы // Социологический журнал. 2006. № 3–4 С. 25–45.

онтологической сущностью»⁵. В обосновании последней Франк – абсолютный холист: общество в его представлениях есть «мистическое сверхприродное всеединство»⁶. Подобная философская установка органична для мировоззренческой позиции ученого, базирующейся на религиозных убеждениях. Однако в действительности холизм Франка основан не столько на религиозно-мистических, сколько на системных предпосылках, и в этом плане его концепция представляет интерес для социологии. Что касается постулированного Франком «третьего вида» бытия – идеально-объективного, существующего наряду с материальным и психическим, здесь я вижу идейную перекличку с концепцией Третьего мира К. Поппера. Наконец, социологического осмысления требует выдвинутая Франком идея должного как нравственной силы, направляющей движение общества.

Татарова Г.Г. На мой взгляд, существует потребность в повороте к старым проблемам социологии, включая представления о структуре языка исследования. В теоретических исследованиях важно исходить из установки: «...видится ли "теория" в образе единой теории или множественных теорий, общей теории или специальных теорий, формальной или содержательной теории, метатеории, пропозициональных схем, аналитических схем или моделей. Ввиду этих расхождений предлагается сосредоточить усилия на прояснении того, что мы имеем в виду под теорией, чего мы от нее хотим и какого развития от нее ждем»⁷. Отсюда актуализация проблем «аналитической социологии» (по аналогии с аналитической философией).

Структура языка эмпирического социологического исследования – это система рядоположенных и вложенных друг в друга подсистем понятий. Рефлексия о «языке» составляет методологию исследования (П. Лазарсфельд). Если «язык» понимается как система инструментальных средств познавательной деятельности социолога, тогда ключевое понятие «Метод». Под методами социологического исследования понимается совокупность способов, средств познавательной деятельности, направленных на описание, объяснение и прогнозирование изучаемых социальных феноменов (явлений, объектов, процессов) или фрагментов социальной реальности в контекстах ее существования или конструирования людьми. В рамках отдельного исследования – это логически взаимоувязанная совокупность средств, регулирующая процесс социологического познания, определяющая архитектонику исследования, это совокупность средств формирования инструментария исследования, сбора, измерения, математического анализа и интерпретации данных.

Классификацией, приближенной к универсальной, является та, когда совокупность методов интерпретируется как целостность, система, структура которой определяется источниками языковых конструктов социологического исследования включая методы общенаучного характера, междисциплинарного и собственно социологические. В роли методов выступают и теоретические модели объяснения социальных феноменов, и методические средства их изучения. Методы различаются в зависимости от уровня их абстрактности, степени формализованности, роли и места в исследованиях и т.д. В силу того, что проблематика методов непосредственно связана с концептом «язык социологического исследования» (понятийный аппарат и логика его использования), предложенное основание целесообразно для цели планирования исследования и тем самым носит эвристический характер.

Рефлексия о Языке, Методе необходима для перехода на этап интеграции методологического знания, который включает: 1) инвентаризацию накопленного (концептуальных моделей, методов, техник, методик); 2) переосмысление накопленных знаний с целью их взаимопроникновения из одной части социологической методологии в другую; 3) упорядочение знаний по разным основаниям и введение в научный оборот аксиоматических положений (конвенционального характера) относительно базовых понятий и средств познавательной деятельности

⁵ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 54.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Николаев В.Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментизации и плюрализма // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 30–40.

(что называть теорией, методом, методологией и т.д.); 4) экспликацию и реинтерпретацию базовых языковых конструктов социолога (язык социологического исследования, социологическая репрезентативность, формат социологических данных, тип социологического исследования, причинность и т.д.). Пример: причинность, причинный анализ (из четырех видов причинности Аристотеля целевая причинность особую роль играет в социологии). Принцип причинности (зависимости, обусловленности) должен быть пластичным и адекватным; 5) введение новых понятий (например, методология анализа социологических данных, виды социологических данных, восходящая и нисходящая стратегии анализа данных, классификация исследовательских практик анализа данных, метаметодика анализа данных и т.д.); 6) переосмысление условий возникновения «математической социологии» как особой научной дисциплины.

Андреенкова А.В. Предложение о пересмотре и систематизации «языка» социологического исследования кажется очень актуальным и своевременным. Получили развитие новые методы сбора данных, подходы к построению выборок и решению проблем выборочных смещений, расширилось предметное поле таких исследований, виды анализа, усложнилась исследовательская инфраструктура. Задача «осовременить» язык эмпирического социологического исследования, а также учесть опыт и интересы исследователей из разных сфер, выглядит непростой не только из-за ее трудности, но и из-за сложностей с достижением консенсуса между разными сторонами исследовательского процесса. Однако это не значит, что эта задача не стоит решать.

Иванов Д.В. Критическая теория нуждается в обновлении на базе анализа дискурса цифровизации, который отражает не социальные инновации, а управленческое и бюрократическое присвоение рутинных практик виртуализации. Виртуализация как замена вещей и реальных действий образами и коммуникациями «взламывала» систему в конце XX в., когда энтузиасты цифровых технологий создавали виртуальные сети, ускользающие от контроля овеществленных институтов. Но теперь этот 'Great Escape' абсорбирован системой, использование цифровых технологий стало рутиной и формой социального контроля. Социальная жизнь отчуждается в виртуальные реальности, возникающие на цифровых сетевых платформах, которые эксплуатируют участников коммуникаций, генерирующих контент.

Чтобы выявить противоречия и направление цифровизации, необходимо разработать теорию, следуя диалектической линии Франкфуртской школы. Отталкиваясь от концепции алгоритмической рациональности, можно анализировать совокупность структур господства и форм социального контроля в постиндустриальном обществе. Алгоритмическая рациональность пришла на смену инструментальному разуму (М. Хоркхаймер) и технологической рациональности (Г. Маркузе), которые организовывали практику и мышление людей в раннеиндустриальном и позднеиндустриальном обществе. Алгоритмическая рациональность – это новая логика господства, поскольку реальность воспринимается как динамичная и гибридная сеть объектов, функционирующая без участия человека.

Современные тенденции поствиртуализации и микродвижения в повседневной жизни можно рассматривать как источник сопротивления и борьбы за аутентичность против виртуальных и искусственных заменителей человечности, создаваемых тотальной цифровизацией/принудительной виртуализацией социальной жизни. Различие между эмансилирующими цифровыми технологиями и репрессивной алгоритмической рациональностью должно стать основой нового критического теоретизирования в эпоху господства цифровых технологий.

Ладыженец Н.С. С социологической точки зрения, для перспективного анализа социотехнических изменений наиболее дисциплинарно спрофилированными являются базовые понятия «нейросетевая агентность» и «гибридная социальность». Введение понятия «цифровая агентность» может способствовать концептуализации уже существующего феномена, поскольку развитие нейросетевых генеративных технологий приводит к возникновению автономных цифровых систем, во взаимодействии с человеком способных к принятию решений. В этой связи разработка концептуализации понятия «цифровая агентность» могла бы быть реализована с прояснением характеристик и границ, соотношений с действием простых

алгоритмов и агентностью человека, а также социально-институциональных, этических, политических и эпистемологических аспектов.

Понятие «цифровая агентность» можно определить как способность современных цифровых систем к самообучению, автономным действиям и принятию решений, оказывающих воздействие на социальные процессы. Искусственные нейронные сети представляют ключевую технологию машинного обучения. Соответственно, можно обозначить специфику понятия «нейросетевая агентность», заключающуюся в способности самостоятельного выявления скрытых закономерностей, принятия решений, выстраивания стратегий действия в соответствии с поставленными целями. В обоих случаях разрабатываемые на основе этих понятий концепты будут сфокусированы на трансформации роли технологий из инструментальной в коммуникативно-деятельностную в гибридном социальном взаимодействии.

Понятие «гибридная социальность» предполагает необходимость концептуализации новых форм социальных отношений, когда в социальные процессы и коммуникации начинают встраиваться автоматизированные системы, формируя новый тип гибридного взаимодействия. Возникновение новых форм агентности и субъектности в повседневной и профессионально-отраслевой деятельности, распределяемой между людьми и машинами, приводит к необходимости переосмысливания традиционных социологических концепций с учетом актуальных технологических изменений. Нейросетевая агентность и алгоритмическая субъектность изменяют представление о социальном – социальных действиях, структуре и трансформациях. Соответственно, гибридная социальность предполагает необходимость изменения границ социологического и социального анализа.

Ресурсность концептуализации понятий «нейросетевая агентность» и «гибридная социальность» состоит в прояснении взаимосвязи технологических возможностей и социальных изменений. С одной стороны, нейросетевая агентность предоставляет новые инструменты для анализа и интерпретации социальных данных, что ведет к более точному пониманию динамики гибридной социальности. С другой – гибридная социальность формирует новые требования и ожидания от нейросетевых систем, ставя перед ними задачи, требующие более сложных и адаптивных подходов.

Если говорить о базовых методологических основаниях концептуализации, то в первую очередь следует выделить работы М. Кастельса, Н. Лумана, Б. Латура и Ю. Хабермаса. Напрямую они не анализировали эти понятия, но их подходы позволяют подойти к этой аналитике более комплексно, обнаруживая также определенную преемственность в развитии социального знания.

Зарубина Н.Н. Хотелось бы обратить внимание на понятие «человеческий потенциал». Возникнув как метафора в контексте жизнеспособности общества, оно раскрывает сложную связь прошлого, настоящего и будущего, индивидуального и коллективного. Носителем составляющих его качеств является индивид, но они могут быть приобретены и реализованы только в коллективах и сообществах, в рамках их нормативных и ценностных контекстов. Метафорический характер понятия «человеческий потенциал» – сильная его сторона, позволяющая видеть новые исследовательские возможности.

Цивилизационная аналитическая перспектива представляется плодотворным подходом к анализу человеческого потенциала конкретного общества, поскольку рассматривает активную агентность в культурно-символических и структурно-институциональных контекстах с учетом исторической контингентности⁸. Представляется продуктивным подход к анализу цивилизаций, обоснованный Ш. Эйзенштадтом, согласно которому каждая цивилизация формирует не специфический «самобытный» человеческий потенциал в соответствии со своим «культурным кодом», а многообразные потенциалы акторов, вовлеченных в интерпретации

⁸ Braslavskiy R.G. Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 15–24.

цивилизационной повестки и соответствующие институциональные «арены» социальной регуляции⁹.

Для анализа трансформаций человеческого потенциала в обществе продуктивна концепция «множественных модерностей» Ш. Эйзенштадта, согласно которой модернизация представляет собой неповторимый ответ каждой цивилизации на вызовы современности. Заимствованные институты могут оказаться непродуктивными для развития эндогенного человеческого потенциала. Проактивность, инновативность, способность мыслить и действовать иначе, способствуют в конечном счете повышению его жизнеспособности. Именно инновативность представляется наиболее востребованным в России в настоящее время качеством человеческого потенциала.

Андреенкова А.В. Обсуждая современные тенденции в социологии, нельзя обойти вниманием фундаментальный вопрос – изучение социальных изменений. Одним из способов являются исследования жизненного пути людей. Объяснительные модели на микроуровне, включающие анализ поведения, условий жизни и установок субъектов социальных изменений – людей, семей, организаций – могут строиться на данных лонгитюдных исследований на коротких, средних и длинных интервалах времени. Логическим (но не фактическим) продолжением таких исследований является подход «жизненного пути» (*life course perspective*), в рамках которого человек рассматривается как постоянно развивающийся агент изменений, а единицей анализа становится весь его жизненный путь. Несмотря на содержательную привлекательность такого подхода, позволившего подойти к изучению не только статусов, но траекторий (образовательной, профессиональной, семейной), анализировать жизненные события и решения в их взаимосвязи, пока он развивается медленно, что связано с большим количеством нерешенных методических проблем. В синхронных исследованиях жизненного пути (короткая временная дистанцией между событием и сообщением о событии), к которым относятся лонгитюдные опросы, надежность измерений довольно высока, но много ограничений в выборе показателей и способах организации (большие временные и финансовые затраты). В ретроспективных исследованиях (биографические, реконструкция календаря жизни в выборочных опросах, автобиографии) появляются широкие возможности в выборе измеряемых показателей, гибкость и скорость в получении данных, однако, их надежность невысока («ошибки памяти», влияние контекста). Ни один из подходов в отдельности – трендовый, лонгитюдный или ретроспективный – недостаточен для исследования такого сложноструктурированного и многоуровневого феномена, как социальные изменения. Интегрирование в общий исследовательский цикл количественных и качественных методов, использование многоуровневого статистического анализа, новых способов визуализации данных, а также трансформация традиционных методов сбора данных при использовании современных технологий позволяют получить качественно новый результат. Например, в новом исследовательском проекте «Жизненный путь поколения, взрослевшего в 1990-е», поддержанном РНФ, жизнь одного поколения изучается с помощью длинных лонгитюдных данных, трендовых опросов со сходными показателями, проведенных с интервалом в три десятилетия, а также метода автобиографий и когнитивных интервью.

Соколов М.М. Описание социологии как мультипарадигмальной науки широко распространено, но более спорно, чем обычно предполагается. Историю западной социологии можно изложить как историю трех парадигм – Прогресса (с начала XIX в. до примерно 1895 г.), Порядка (1940–1960) и Неравенства (с примерно 1980 г.), перемежаемых революционными периодами, в которые и было придумано то, что мы называем социологической теорией. Каждая из парадигм вопрошала: как должны ставиться вопросы, как наличные методы могут на них ответить и как социология должна реагировать на актуальные проблемы современности. Мы живем в эпоху парадигмы неравенства, когда большинство социологов в мире (а) считают, что основная теоретическая проблема – это неравенство (классовое, гендерное,...); (б) используют регрессии и другие родственные методы, чтобы доказать существование неравенств

⁹ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 1. Brill Academic Pub., 2003.

и определить механизмы их устойчивости; (в) переопределяют любую социальную проблему в терминах своей теоретической проблемы. П. Бурдье имеет наибольшее право называться основателем этой парадигмы. Так, со временем Бурдье внимание социологов культуры было поглощено изучением путей, которыми культурный капитал конвертируется в иные формы капитала и таким образом способствует воспроизведству классового неравенства. Любая парадигма, однако, сталкивается с аномалиями, и в случае с социологическими парадигмами эти аномалии часто имеют географическую локацию. В особенности в области изучения вкусов Россия является такой аномалией. В ней существует культурная стратификация, построенная на ощущаемом неравенстве вкусов и внутреннем превосходстве определенных поведенческих стилей, причем эти вкусы слабо отличаются от традиционных западноевропейских форм. При этом данная стратификация оказывается слабо связанной с экономическим неравенством и не может считаться инструментом воспроизведения принадлежности к господствующим классам. Урок для социологии культуры состоит в ограниченной применимости «парадигмы апpropriации» (М. Вебер) в анализе культуры. Это позволяет поместить Россию на карту сравнительной социологии стратификации как пример деполяризованного общества, в котором разные формы неравенства ортогональны друг другу, но иногда демонстрируют сложные интеракции. Методологически адекватные способы обращения с подобными системами могут вдохновляться примерами интерсекционального подхода, который остается в рамках общей парадигмы неравенства, но добавляет ей комплексности.

Зарубина Н.Н. В интересном докладе М.М. Соколова было продемонстрировано применение подхода, разработанного на европейском опыте и для его обобщения, к анализу российских реалий культурного неравенства, причем выявлены их принципиальные отличия от европейских. Однако возникает вопрос: что дальше? Как возможно эти вполне релевантные выводы применить для дальнейшего осмыслиения проблем российского общества? Необходимы теоретико-методологические разработки по проблемам особенностей его структуры и его развития. Необходимо учитывать, что построение «суверенной социологии» не должно вылиться в замкнутость и самоизоляцию, абсолютизацию «особого пути», ибо научное знание по сути своей является универсальным. Здесь уместно обратиться к идеи русского философа А.С. Панарина, писавшего о «пушкинской парадигме русской культуры», т.е. о создании «синтетического» языка науки, отражающего специфику нашего исторического опыта в контекстах европейской и мировой культурной и научной повестки. Без такого языка национальный опыт становится предметом спекуляций внешних интерпретаторов, как правило, не доброжелательных и не бескорыстных, и локальных групп, использующих его в своих корпоративных интересах.

Соколов М.М. Мне кажется, это очень хорошая программа. И. Лакатос, который стремился примирить теорию парадигм с традиционным видением науки как кумулятивного процесса, предполагал, что исследовательская программа может отвечать на появление аномалий прогрессивным развитием, инкорпорируя их как частные случаи в более широкую схему. Это, по-моему, должно произойти с социологией культуры: начиная с тезиса – обобщения, сделанного в лучше всего изученных западных обществах, и переходя к антитезису – незападным аномалиям (совершенно непонятно, на самом деле, специфически российским или более широким), мы в идеале должны закончить более гибкой теорией социальной структуры. Сейчас мы на стадии антитезиса. Важно на ней не останавливаться.

Буланова М.Б. Свое выступление я построю, откликаясь на прозвучавшие в докладах проблемы, связанные с историей российской социологии. И первый вопрос: а сколько лет российской социологии? С одной стороны, современная российская социология является преемником советской, с другой – и я придерживаюсь этой позиции, преемником еще и школы русской социологии, которая возникла в конце 1860-х гг. и была связана с именами Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, Е.В. де-Роберти, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, П.А. Сорокина. Российская социология прошла сложный путь, подчиняясь закону диалектики отрицания: возникла в русле мировой социологии, как ее ветвь, представленная многообразными течениями. С вступлением в советский период произошло первое отрицание – разнообразие

было заменено одним подходом, представленным марксистской социологией. Что касается третьего периода, то с 1990-х гг., со временем перестройки, произошло еще одно отрицание – теперь уже марксистского прошлого и возвращение на новом уровне к персоналиям и идеям русской социологической школы.

Про отношения с западными коллегами и западной теоретической социологией. В первый период развития российской социологии была установка на Запад, и это естественно, т.к. именно Франция является родиной социологии. Кстати, одна из причин, почему М.М. Ковалевский открыл Высшую русскую школу общественных наук в Париже, была именно эта – преподавать социологию на родине ее создателя О. Конта. Первые русские социологи не копировали западных идея, они критически к ним относились, выбирая те, что могли быть применены к российским реалиям. В советский период критический настрой к западным идеям сохранялся, но был идеологически обоснован задачей борьбы с буржуазной социологией. В период перестройки вновь возродившаяся социологическая наука, отвергнув марксизм, обратилась как к западным теоретическим наработкам, так и к отечественному опыту, заново открыв русскую школу социологии (стала переиздаваться дореволюционная литература). Наряду с учебниками Н. Смелзера и Э. Гидденса по социологии, стали появляться первые учебники российских авторов, а также работы социологов, которых перечислил Ж.Т. Тощенко в своем докладе. Российская социология начала постепенно обретать свою идентичность, отличную от западной.

Наконец, вопрос, который волнует не только российское, но и мировое сообщество, – поиски новой социологической теории в новой реальности, которую принято называть цифровой. В своем докладе Д.В. Иванов назвал эту теорию – интегральной теорией борьбы за идентичность. Я хотела бы поддержать эту идею, т.к. теория интеграции была предложена российскими классиками – М.М. Ковалевским, считавшим ее естественным развитием многофакторного подхода к анализу реальности, и П.А. Сорокиным, увидевшим в интегральной теории продолжение теории конвергенции, сблизивший страны с различной идеологией в условиях общего вызова научно-технической революции. Поэтому сейчас стоит задача поиска идентичности российской социологии в условиях мегаповестки глобализации и цифровизации мира.

Российские социологи невольно сами затрудняют признание российской социологии тем, что гораздо чаще цитируют труды западных социологов, чем отечественных авторов. Пока мы сами не признаем заслуг отечественной социологии, о них не узнают и зарубежные коллеги.

Титаренко Л.Г. Проблема в том, что отечественную социологию первого периода недостаточно знают и поэтому на ее выдающиеся достижения современные российские социологи не ссылаются. Так, зачастую российские исследователи раньше западных выдвигали важные теории (теория личности/героя и толпы Н. Михайловского, теория многофакторности М. Ковалевского)¹⁰, но этих фактов сознательно или неосознанно «не замечают» авторы, по-прежнему отмечающие только зарубежные аналогичные теории. Возможно, причина в том, что отечественные социологи стали мало читать «своих» классиков и современников. Такое отношение к отечественному историческому наследию вряд ли приведет к взвешенной оценке мировой истории социологии и российского вклада в нее.

Зарубина Н.Н. Поддерживая М.А. Буланову, замечу два момента. Во-первых, осмысление исторического опыта нашего общества на языке научных понятий – важнейшая задача российского социологического сообщества, успешность ее решения зависит от его человеческого потенциала. Обращение к накопленному и несправедливо забытому наследию отечественных социологов, несомненно, будет способствовать созданию такого языка. Речь здесь идет не только и не столько об очевидной дисфункциональности чуть ли не тотального перехода социологов на английский язык, за который ратовали некоторые ученые. Продуктивны ли заимствованные методология и понятийный аппарат – как специфический язык науки – для

¹⁰ См., об этих примерах: Титаренко Л.Г. Российская социология в поиске ответов на теоретические вызовы // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 15–25.

возможностей реализации профессионального потенциала российского социологического сообщества?

Иванов Д.В. Добавлю: нужно разрабатывать теоретическую социологию без оглядки на редакционную политику и мнение тех, кто в последнее время никак не отметился вкладом в развитие социологии. Надо самим определиться с приоритетами, важно найти перспективные и работающие решения в теории. Бурдье, Гидденс, Луман и Хабермас вряд ли подстраивались под вкусы журналов. Если наши социологи предложат зарубежным коллегам работающие решения, «встраиваться» в новый мейнстрим придется старому истеблишменту, а не нам.

Романовский Н.В. Теория позволяет ученым, в частности, заглядывать в будущее. Здесь многие говорили о будущем преимущественно недалеком, о среднесрочных перспективах. Однако отдаленная перспектива нашей науки требует выделять главное среди возможных вариантов будущего. Что в этом плане обозначено на настоящих Чтениях? Естественно, в моем представлении, нуждающемся в обсуждении и дальнейшей верификации.

На Чтениях говорилось о цифровизации (Д.В. Иванов, Н.С. Ладыжец), об ИИ и когнитивной науке (И.Ф. Девятко). Для социологии здесь важна перспектива, открываемая когнитивной наукой, как наукой об управлении человеческим сознанием. Эта перспектива (одна из ряда) меняет многое, и к этим переменам следует готовиться – пока ментально – уже сегодня. Примером может служить перспектива новой картографии наук об обществе и человеке, новые место и роль социологии на глобальной карте научных дисциплин.

Говорилось о диалоге как главном методе движения нашей науки к ее глобальному состоянию (таков в сухом остатке итог конгресса МСА в Мельбурне). Эта мысль глубоко социологична, будучи связана с действием, с отношениями, с реляционной социологией и т.д. Конструируемые на этой основе представления о пути к будущему важно развивать и отстаивать, возможно, путем создания (как начала) некоего кодекса поведения сторон в глобальном диалоге социологов. В таком диалоге (по большей части пока воображаемом) решающая (хотя бы для того, чтобы быть услышанной) роль принадлежит весомости научной аргументации, которая будет предлагаться конкретными сторонами диалога. Вопрос, о котором на этом этапе следует думать отечественным социологам: какие весомые научные аргументы (прежде всего содержательно), пока воображаемые, может выдвинуть российская сторона в этом диалоге? Среди этих аргументов могут быть предложены подходы к социологическому теоретизированию. Естественно, общесоциологического плана, такие, например, как «социология жизни». Эта теория могла бы претендовать на роль большой теории, так как обладает, на мой взгляд, требуемыми качествами большой, арочной теории, подобно тем, что десятилетиями в прошлом доминировали в нашей науке.

Россия может предложить контуры практических шагов к тому, в чем крайне нуждается социальный мир нашей планеты. Это план «нового мира» и «дорожная карта» для движения к нему. Сильная сторона российских предложений – наличие у нашей страны и ее ученых относительно свежего опыта движения к некоему «новому миру». Этот опыт – достояние человечества, он не может не оказаться полезным практически и теоретически, но требует анализа и обобщения. Однако усилий в этом плане пока не видно. Возможно, вследствие того, что наша наука «травмирована» решением задач подобного профиля и масштаба. Возможно, задачи глобального порядка требуют и усилий глобального сообщества ученых, а опыт подобного рода практически отсутствует, как и формы его обобщения. Опыт ООН (слабо усвоенный) лишь в общем виде предсказывает характер и профиль ожидаемых в таком предприятии усилий. Что не говорит о ненужности самих этих усилий. Движение человечества вперед без «дорожной карты» (хотя бы типа «Ваш курс ведет к опасности!») – обойдется много дороже. В этом плане одной из решающих преград (возможно – главной) является отсутствие усилий со стороны российских ученых в анализе причин провала в нашей стране проекта «новый мир», краха усилий по его реализации. Это могло бы стать задачей социологов не только нашей страны.

Подготовила С.Ю. ДЕМИДЕНКО

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

Статья поступила: 30.10.24. Принята к публикации: 14.11.24.

THEORETICAL SOCIOLOGY: PAST, PRESENT, FUTURE (round table)

Participants: Anna V. ANDREENKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Vice Director of the Institute for Comparative Social Research (CESSI), Moscow, Russia (anna.andreenkova@cessi.ru); Marina B. BULANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia (marina_bulanova@inbox.ru); Mikhail F. CHERNYSH, corresponding member of the RAS, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia (chernysh@fnisc.ru); Elena N. DANILOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Center of the Studies in Theory and History of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (endanilova@gmail.com); Inna F. DEVIATKO, Dr. Sci. (Sociol.), Full Prof., HSE University; Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (deviatko@gmail.com); Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russia (dvi2001@rambler.ru); Natalia S. LADYZHETS, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of Sociology, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Izhevsk, Russia (lns07@mail.ru); Irina A. SHMERLINA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru); Nikolai V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (romanival@yandex.ru); Mikhail M. SOKOLOV, Cand. Sci. (Sociol.), Prof. of Practice, University of Wisconsin-Madison, USA (msokolov@wisc.edu); Galina G. TATAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (tatarova-gg@rambler.ru); Larissa G. TITARENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University, Belarus; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia (larissa@bsu.by); Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Prof., Scientific Director of the Sociological Department of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (socis@isras.ru); Natal'ja N. ZARUBINA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. of the Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia (n.zarubina@inno.mgimo.ru).

Abstract. This material is a discussion on key issues in the development of theoretical sociology both in Russia and worldwide today. The XXVI Kharchev' Readings were held on November 23, 2024, within the framework of the conference "Sociology: Yesterday, Today, Tomorrow", dedicated to the 50th anniversary of the "Sociological Studies" journal. The purpose of the Readings was to discuss the changing landscape of modern theoretical sociology and the factors behind these changes, including the influence of digitalization. The theme of the Readings was based on the specifics of constructing sociological theories in current conditions, but with reference to the history and revision of theoretical knowledge, in particular, the revision of the works of domestic theoretical sociologists and the issues of importing and adapting Western concepts. Particular attention was paid to the categorization and conceptual apparatus of sociology. We present to the readers' attention the main provisions of the participants' reports at the conference. Weaknesses in the development of theoretical sociology in the country were noted, including: separation from the empirical base and appropriating works on social philosophy; copying the concepts of foreign researchers without adaptation to Russian realities; lack of connection with the ideas of predecessors in Russia and the past development of society and its individual aspects; proclamation of an interdisciplinary approach without serious methodological development, etc. The question was raised about the productivity of conceptual transfer and Western methodology without taking into account Russian realities. The deficit of general sociological theories for describing the modern world both in Russia and abroad was discussed.

Keywords: sociological theories, Russian theoretical sociology, categorization, conceptual apparatus of sociology, conceptualization, metaphor, digitalization, cognitive science, history of sociology, theorizing.

Prepared by S. Yu. DEMIDENKO

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor), the journal "Sociological Studies" (demidsu@yandex.ru).

Received: 30.10.24. Accepted: 14.11.24.